

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.24>**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

Научная статья

Пэн Юй-хай *

Институт иностранных языков Сычуаньского университета, Чэнду, КНР

* Корреспондирующий автор (ccttcnn[at]scu.edu.cn)

Аннотация

Пассивное предложение отражает смысловое отношение между семантическим объектом как предметом описания и действием-поведением. Однако из-за взаимодействия семантических компонентов предложения и различного понимания и интерпретации этого отношения языковым субъектом, субъективное идеологическое понимание и концептуальное сознание события соответственно проникают в предложение, формируя уникальные семантические особенности пассивного предложения, и функционирование и проявление таких семантических особенностей в пассивном предложении разных языков имеет как общие черты, так и различия. Выяснение этих общих черт и различий, а также их причин имеет важное значение для правильного анализа и понимания характеристик и семантических функций пассивного предложения соответствующих языков. В связи с этим, основываясь на методе динамического семантического анализа, будем делать сопоставительный анализ семантических особенностей пассивных предложений в русском и китайском языках с трех аспектов, таких как семантические характеристики «события состояния», семантические характеристики «страдания» и семантические характеристики «метафоры». Данное исследование приносит новые идеи и познание для анализа проблемы синтаксической семантики русских и китайских пассивных предложений, оно не только помогает улучшить понимание семантической сущности и семантического свойства самих пассивных предложений, но и способствует изучению типологии языка с точки зрения сравнительно-сопоставительного анализа.

Ключевые слова: русские и китайские пассивные предложения, динамическая семантика, семантические особенности, значение «страдание», семантика метафоры, сопоставительный анализ.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN AND CHINESE PASSIVE SENTENCES

Research article

Peng Yu-hai *

College of Foreign Languages and Literatures, Sichuan University, Chengdu, China

* Corresponding author (ccttcnn[at]scu.edu.cn)

Abstract

Passive sentences reflect the semantic relationship between the semantic object as the subject of description and the behavioral action. However, due to the interaction of the semantic components of the sentence and the different understanding and interpretation of this relationship by the linguistic subject, the subjective ideological understanding and conceptual consciousness of the event respectively penetrate into the sentence, forming unique semantic features of the passive sentence, and the functioning; manifestation of such semantic features in the passive sentence of different languages has both common features and differences. Finding out these common features and differences, as well as their causes, is important for the correct analysis and understanding of the characteristics and semantic functions of the passive sentence of the respective languages. In this regard, based on the method of dynamic semantic analysis, the current study conducts a comparative analysis of the semantic features of passive sentences in Russian and Chinese from three aspects, such as the semantic characteristics of "sobytia sostoyaniya" (state events), the semantic characteristics of "stradanie" (suffering) and the semantic characteristics of "metafora" (metaphor). This research brings new ideas and knowledge for the purposes of analyzing the problem of syntactic semantics of Russian and Chinese passive sentences helping not only improve the understanding of the semantic essence and semantic properties of the passive sentences themselves but also contributes to the study of the typology of the language from the point of view of comparative analysis.

Keywords: Russian and Chinese passive sentences, dynamic semantics, semantic features, meaning of "suffering", semantics of metaphor, comparative analysis.

Введение

«Семантика предложения — это концептуализация человеком определенных законов или характеристик объективной реальности» [1, С. 169], которая обязательно содержит субъективное мышление и сознание о содержании события, заданное языковым субъектом, это отражено в русских и китайских пассивных предложениях. Пассивное предложение отражает смысловую связь между семантическим объектом (пассивным участником события) как предметом описания и действием-поведением, однако в силу взаимодействия между семантическими компонентами предложения и различного понимания и интерпретации говорящим этой взаимосвязи, возникает его проникновение в концептуальное сознание события предложения и формируются семантические особенности, уникальные для данного типа предложения, и проявление таких семантических особенностей в пассивном предложении разных языков имеет как общие черты, так и явные различия. Выяснение этих сходств и различий и их причин имеет важное значение для правильного анализа и понимания характеристики семантических функций пассивного предложения соответствующих языков. Согласно концепту о «синтаксической иконичности», «структура языка непосредственно отражает концептуальную структуру человека» [2, С. 2], семантика близка, тогда структура сходна, «структурная

формула представляет собой комбинацию формы и значения» [3, С. 75], существует сходство между синтаксической структурой и семантикой, сходная синтаксическая структура исходит от подобной концептуальной структуры.

Таким образом, структурные характеристики языковой формы предложения определяются его семантическими характеристиками, а формирование моделей пассивного предложения в разных языках зависит от его семантических функциональных факторов. Соответственно, оказывается очень важно то, что необходимо исследовать модели пассивного предложения в естественном языке с семантической точки зрения. В связи с этим в данной статье будет проведено сравнительно-сопоставительное исследование семантических особенностей пассивного предложения в русском и китайском языках. Соответствующее исследование не только помогает углубить понимание семантической сущности и семантического свойства пассивного предложения, но и способствует изучению типологии языка с точки зрения сопоставительного анализа.

Целью нашего исследования является выявление семантических особенностей и свойства русских и китайских пассивных предложений и содействие семантическим исследованиям пассивных предложений в естественном языке. В связи с этим мы проведем сравнительно-сопоставительное исследование семантических особенностей пассивного предложения в русском и китайском языках на основе соответствующей языковой теории и практики в следующих трех аспектах: 1) семантические особенности «события состояния»; 2) семантические особенности «страдания»; 3) семантические особенности «метафоры» пассивного предложения в русском и китайском языках.

Методы

В данной статье используются два основных метода исследования: 1) метод описания семантических признаков: подробный сравнительный анализ и описание семантических свойств и семантических характеристик русских и китайских пассивных предложений; 2) метод динамического семантического анализа: динамический анализ и описание семантических характеристик русских и китайских пассивных предложений с точки зрения коммуникации, модальности, прагматики и когнитивности.

Обсуждение

Существует общая особенность между русскими и китайскими пассивными предложениями, то есть предикативный признак, соответствующий объекту или пациенсу, одинаково представляет состояние, даже глагол, обозначающий действие, преобразуется из выражения действия в способ обозначения состояния. Общая семантика русских и китайских пассивных предложений выражается следующим образом: пассивный участник события, представленный подлежащим, находится в состоянии, обозначенным сказуемым-предикатом, то есть его семантическая функция состоит в том, чтобы выразить событие процесса как событие состояния. Именно по этой причине пассивное предложение, исходя из взгляда некоторых ученых, относится к «функциональному пассиву», и соответственно оно считается «производным залогом». С точки зрения семантических отношений, русские и китайские пассивные предложения фактически возникают из «представления о состоянии» событий, фокусируясь на содержании результата-состояния, включенном в объекте-вещи, и они в принципе обозначают идеализированное событие состояния, которое является самодостаточным и не имеет «внешней причины» (каузатор/causer), а состояние, вызванное действием, концептуализируется как самодостаточный атрибут вещей. С точки зрения семантической особенности отражается то, что пассивные предложения в обоих языках имеют одинаковую структуру смыслового отношения «воздействуемое+состояние», где последнее (характеристики состояния) является описанием первого (воздействуемое). В то же время такая семантическая особенность русских и китайских пассивных предложений не может быть отделена или полностью исключить участие фактора «агенса», и между ней и семантической ролью агенса существует сложная взаимосвязь, кроме этого данная семантическая особенность имеет как одинаковое, так и разное отражение в функционировании «агенса» русских и китайских пассивных предложений: с одной стороны, если в пассивном предложении нет «агенса», то уменьшится внимание к отправителю действия, что удобно для сосредоточения описания на таких характеристиках «состояния события», как процесс, отношение, свойство и результат действия; с другой стороны, по причине некоторых различий в самих структурно-семантических характеристиках русских и китайских предложений соответственно существуют также некоторые различия в функционировании «агенса» в семантике пассивного предложения. Это образует особую конкретизацию и продолжение семантической особенности «события состояния» русских и китайских пассивных предложений в падеже «агенса». Об этом будем анализировать ниже.

Китайские пассивные предложения могут включать в себя семантический падеж «агенса», чтобы отразить роль, которую играет инициатор пассивного «события состояния» в ходе действия, и при этом «агенса», как правило, должен нести грамматический маркерный компонент — слово «被», чтобы отличить себя от пациенса-объекта по структурной форме. Грамматикализация понятия «агенса» в китайских пассивных предложениях имеет свои уникальные причины: поскольку китайские предложения имеют характеристики топика, и большое количество имён существительных со значением «воздействуемого» может быть перенесено перед глаголами, что делает метод различения агенса и пациенса по словопорядку неэффективным, и побуждает использовать грамматический маркер для идентификации существительных-агентов, и предлог «被» появляется в соответствии с этим требованием.

Иногда наличие или отсутствие «被+N5» приводит к различию в значении предложения.

Например, китайское пассивное предложение “西瓜被弟弟吃了/The watermelon was eaten by my brother” (с агенсом и грамматическим маркером “被/was eaten by”) означает, что состояние «арбуза» изменилось из-за внешних сил, и это изменение противоречит ожиданиям говорящего (ожидалось, что его должен был съесть кто-то другой, но его съел брат).

Напротив, «西瓜吃了/The watermelon was eaten»(предложение без агенса и маркера «被») просто означает, что действие «есть/съесть» вызывает изменение «состояния события»: «西瓜没了», то есть «арбуза» теперь находится в состоянии результата действия.

В русских пассивных предложениях преобладают двухкомпонентные структурные типы без агентов или они выступают в качестве их прототипов. Между прочим, Английское пассивное предложение также обладает аналогичными характеристиками. W. Croft утверждает, что прототип пассивного предложения должен выражать абсолютное событие состояния без необходимости в агенте [4].

Например: *The enemy was defeated; The cap was blown away*. Вместо этого предложение с агентом обозначает «особое формальное состояние пассивного предложения».

Например: *The violin was made by my father*.

Л. Л. Буланин указал, что для русского языка (и других славянских языков) биномиальная структура без агенса N5 является самой употребительной и базовой структурой пассивного предложения [5, С. 36]. Во многих случаях русское пассивное предложение не требует добавления агенса N5, который представляет состояние неактивного действия и свойство-состояние вещей, семантика события состояния очевидна. В. В. Виноградов отмечает, что пассивность (страдательность) данного двухкомпонентного пассивного предложения, в котором отсутствует агент N5, не очень очевидна и сильна, и что при этом значение страдательности и значение медиума (среднего или медиального залога) на самом деле несколько трудно различить [6, С. 633].

Например: *Колонна направляется к лесу; Хлев держится на двух столбах; Полупроводники широко используются в быту; В это утро Петр пробудился позже обыкновенного; Стакан легко бьется; Газеты печатаются на машине; Мороза не чувствуется; Оригинал этого списка не сохранился; Воротник подвернулся; Крыша наполовину обвалилась*.

В этом случае также можно добавить соответствующую словоформу «сам (сам собой)», чтобы подчеркнуть семантические особенности неактивного свойства и состояния события пассивного предложения.

Например: *Мина сама управляется; Пень сама собой слагается в уме; Ребенок воспитывается сам по себе*. Кроме того, в пассивных предложениях со значением психологически-эмоциональной семантикой, такое значение «состояния» будет более очевидным, и пассивное значение превращается в «общее возвратное значение», зарезервированная пассивная семантика уже слаба, и относится к категории периферийного пассивного значения [7, С. 116].

Например: *Я испугался (удивился, обрадовался, огорчился) его прихода (его приходу, от его прихода)*.

Надо отметить, что русское пассивное предложение с краткой формой страдательного причастия часто может быть без словоформы агенса N5, при этом пассивное значение предложения ослабевает или даже исчезает.

Например: *Руки сложены на спинке стула; Парень влюблен в ее сестру; Родители были сердиты на грубости сына; Перила лестницы были изрезаны; Птицы пущены на свободу; Пассажиры отправлены; Даже изолятор был заполнен; Она была потрясена*.

Ю. Д. Апресян, в свою очередь, рассматривает такие случаи по опущению N5 как результат исчезновения пассивного значения предложения, отмечая, что «В предложениях типа *Собака была привязана к дереву пять м.* краткая форма страдательного причастия потеряла свое пассивное значение, указывающее не на действие, а на состояние, и в это время не может быть дополнения в форме N5» [8, С. 21]. Данный вопрос Е. В. Падучева освещает короткой формой страдательного причастия глагола со значением психологически-эмоциональной деятельности. По ее мнению, «*был возмущен, взбешен, заинтригован, восхищен, взволнован*, и т. д. только обозначает состояние, и они не требуют агенса-дополнения» [9, С. 277], и она, соответственно, исключает такую структуру из страдательного залога, что также отражает связи и отношения между словоформой N5 и пассивное значение предложения. Прилагательные, преобразованные из страдательных причастий, таких как *образованный, воспитанный* в русском языке, показывают это более четко, и им больше не нужна словоформа N5, их пассивная семантика была очень забавлена.

Конечно, русское пассивное предложение также имеет дело с агентом N5, который представляет чистую пассивную семантику, то есть «логический объект принимается как носитель предикативного признака глагола (предиката)» [10], итак оно в определенной степени подчеркивает семантику «действия-процесса», а семантика «события состояния» оказывается относительно слабой.

Например: *Флаг поднимается пионером; Инструмент затачивается мастером; Машина была остановлена милиционером; Свечи вынесли, комната опять была освещена одной лампадой; Оба берега реки соединяются мостом; Небо закрылось тучами; Пруд затянулся тиной; Ручей замыкался плотиной; Земля освещается солнцем; Тучи рассеивались ветром*.

По отношению к значению «страдания» русские и китайские пассивные предложения демонстрируют большие различия. Хотя, как указал Китайский лингвист Чжан Мин, значение «страдания» в пассивных предложениях является общим явлением в языке, на самом деле это значение не доминирует в русских пассивных предложениях [11]. Русские пассивные предложения, как правило, являются нейтральными или немаркированными пассивными семантическими предложениями, которые часто представляют объективное оценочное значение и характеристики чистой объективности, потому что «страдательное (пассивное) и действительное залоги в русском языке не означают хорошее или плохое, они просто описывают одно и то же дело с двух разных точек зрения» [12, С. 13]. А семантика пассивного предложения в китайском языке реализуется часто с маркированностью значения, оно имеет как положительную, так и отрицательную семантику, и среди них отрицательное значение «страдания» и «повреждения» преобладает, данное отрицательное значение в основном относится к «воздействию», «вызванному негативному и неблагоприятному изменению» и «неудовлетворительному и неприятному результату», и при этом ключевым моментом является значение «воздействуемое и испытывающее изменение», — ведь в китайском языке «пассивное

предложение связано с влиянием, подвергнутым неактивным участником (т. е. объектом-пациентом), и изменением, которое происходит в данном участнике» [13, С. 17]. Ли Линдин отметил, что «В современном китайском языке наблюдается тенденция к расширению значения нейтрального и даже похвального характера пассивного предложения, но в основном его значение имеет уничижительный характер» [14, С. 401-412]. Теперь мы обсудим данную семантическую особенность («страдание») в русских и китайских пассивных предложениях отдельно.

С точки зрения семантического отношения события русское пассивное предложение в основном объективно описывает характеристики взаимосвязи между вещами и действиями, и субъективное сознание и модально-оценочные характеристики проявляются не заметно, значение «страдание» не составляет его основных особенностей, оно не естественно имплицитно значения «несчастных» и «неблагоприятных» компонентов, может выражать семантические характеристики «похвальной» или «уничижительной» оценки

(Например: *Передовики завода награждены начальством; Доброе дело всеми хвалится; Вся его жизнь посвящена делу служения народа; Он великолепно защищался на судебном процессе; Народное хозяйство разрушено войной; Костя обманут мошенником; Он запутан в грязное дело*), также может обозначать нейтральное значение, то есть значения без признака оценки (Например: *Некоторые старые славянские имена не разрешались православной церковью; Столы были накрыты и все стали рассаживаться; Эти слова были обращены к автору книги; Подача газа была приостановлена; Занятия проводятся на воздухе*).

И пассивные предложения с нейтральным (не поврежденным и не полезным), чисто объективным значением более распространены и наиболее приемлемы в русском языке, что и является одной из причин, по которой русские пассивные предложения чаще используются в научном и политическом стиле в стремлении к абстракции, обобщению и объективности.

Поскольку в русских пассивных предложениях нет специальных определений и требований к значению «страдания», его семантическими характеристиками могут стать как положительное, так и отрицательное значения или нейтральное значение, и соответствующие значения «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия» не входят в сферу его семантических обязательных требований, независимо от того, влияет ли действие или соответствующее изменение на объект NP (объект-пациент/неактивный носитель признака), и предложения одинаково считаются нормативными. И эта семантическая особенность имеет тесную связь с происхождением, образованием и сущностью русских пассивных предложений: основой русских пассивных предложений является связь между действием и его семантическим объектом — они указывают на логическую семантическую связь между объектом и действием, и их составляющим условием является «переходность», то есть, если это переходный глагол, то он может образовывать пассивные предложения, поэтому по сравнению с китайскими пассивными предложениями, семантические ограничения русских пассивных предложений меньше, и его процесс семантизации более единичен.

В отличие от этого, сами китайские пассивные предложения являются результатом грамматикализации значения слова «被», включая семантическое отношение «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия», а значение «страдания» становится основной и типичной семантической особенностью китайских пассивных предложений. С диахронической точки зрения значение «страдания» и «воздействуемости» является основой китайских пассивных предложений. Слово «被» первоначально означает значение «подвергнутого неблагоприятному воздействию» в китайском языке, и включает в себя значение «воздействуемого отрицательным фактором» и «страдания». Таким образом, с самого начала оно содержит дополнительный слой семантического оттенка неудовлетворительного, неприятного и поврежденного, и обладает особенностью прагматической маркировки [15, С. 17]. В связи с этим, если обозначенное действие в предложении не оказывает никакого (негативного) влияния на объект, тогда данное пассивное предложение, скорее всего, неверно.

Например: **抽屉里的信被小狗看见了*; **他被人写了一封信*. Чэн Цилун и другие лингвисты четко подчеркнули, что китайские пассивные предложения должны содержать семантическую особенность «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия», и рассматривают «воздействуемое» как «ограничительное условие тематической семантики» китайских пассивных предложений, то есть, объект должен быть «человеком, предметом, информацией под некоторым воздействием, или другими вещами, связанными со семантикой «повреждения» [16, С. 40, 46], [17].

Ср.: **这个拐弯被他拐过去了——这一页被他翻过去了* (**The corner was turned by him——The page was turned by him*). Иногда данная семантическая особенность проявляется как «ненормальное, необычное изменение состояния».

Существует логическое следствие семантической особенности «воздействуемого» и «подвергающего изменению под воздействия» китайских пассивных предложений, а именно они не обладают особенной семантической ролью «темы». Это происходит потому, что «тема» здесь обозначает именно значение «не подвергающего изменению под воздействия» и «не страдающего...», что противоречит значению «страдание» в китайских пассивных предложениях. Так называемая «тема» относится к семантической роли, которая означает, что «предмет не изменяется соответствующим образом из-за действия других вещей против самой себя» [18, С. 35], [19]. Иногда китайские пассивные предложения с «темой», такими как «*他被我看见了*» или «*他被我发现了*», тоже приемлемы, потому что они содержат такие значения, как «неожидаемый случай», «повреждение», «не ожидается», «вопреки желанию объекта N1», то есть вещи не ожидаются, «он/е не хочет, чтобы это произошло», «это не то, чего он хочет». С другой стороны, русские пассивные предложения не имеют этого ограничения.

Например: *Пропажа обнаружена дежурным; Прошлое вспомнилось ему; Его паспорт был замечен мальчиком; Город осмотрен туристами; Песня была слышна девочкой; Поднявшись на трибуну, докладчик был встречен аплодисментами. Русские пассивные предложения приемлемы, даже если субъект не знает, что "агента" действует против него. Например: Николай был уважаем, но не любим в обществе; А он вот был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой.*

Кроме того, русские пассивные предложения, как правило, «обращают внимание на форму, игнорируют значение» или принцип формы для них важнее принципа значения, «они с помощью признаков формального отношения отражают участие в действии и событийную конструкцию объекта-пациенса, и при этом грамматические формы и структурно-реляционные компоненты приобретают активное проявление» [20, С. 38]. Семантические факторы китайских пассивных предложений более заметны и важны, и они относятся к схеме предложения «семантической связи», основным контролем китайских пассивных предложений является семантико-смысловой механизм, а формальные ограничения относительно слабы — с точки зрения внутренних законов, «предложение китайского языка, по сравнению с предложением западных языков, имеет меньше грамматических и формальных ограничений» [16, С. 38]. Это различие между русскими и китайскими пассивными предложениями отражается в их соответствующих грамматических маркерах: русские пассивные предложения всегда имеют грамматические маркеры —*ся* или —*н/-т*, а китайские пассивные предложения делятся на несколько конкретных случаев по этому вопросу. Это подробно обсуждается ниже.

Во-первых, неживое существо часто является объектами действия, и при нормальных обстоятельствах отношение между неживым существом (как пациенсом) и действием не маркировано, «существует 'естественная корреляция' между 'объектом действия (пациенсом)' и действием» [3, С. 75], поэтому нет необходимости использовать слово "被" и образуется уникальное китайское пассивное предложение или естественное пассивное предложение.

Например: *鸡杀了; 苹果吃了; 汤喝了; 信写了; 衣服洗了; 被子晒了; 家具买了; 房间打扫了; 货物搬走了.*

Во-вторых, человек является источником подавляющего большинства действий, поэтому, когда человек становится объектом или пациенсом действий, это кажется несколько противоречащим здравому смыслу и семантической интуиции, их ассоциация соответственно требует маркера, и поэтому необходимо добавить слово «被» при обозначении пассивного понятия, чтобы отличить его от агенса-субъекта.

Ср.: *张三被骂了; 老王被打了; 小明被诬告了; 嫌疑人被假释了; 张华被开除了.*

В-третьих, когда абстрактное событие сочетается с глагольным действием, китайские пассивные предложения часто выражают значение «неожиданности», которое имеет характер маркировки и должно быть помечено грамматическим маркером «被».

Ср.: *拟定好的计划被打乱了; 他们的阴谋被识破了; 你的意思被误解了; 公车私用被叫停; 人们的猜测被证实了; 这一事件的历史意义逐渐被认识和发掘出来.*

Кроме того, поскольку русский язык является языком, который стремится к формализации, так степень грамматикализации пассивного предложения высока, а средства выражения страдательного залога стандартизированы и едины. По сравнению с русским языком, китайский язык является семантическим языком, и грамматическая степень пассивного понятия не так высока, как в русском языке, поэтому все еще сохраняет много лексических средств, таких как глаголы «受到», «遭到», «得到», «让», «为», «叫», «给» и т. д., которые могут подчеркнуть семантическую особенность «страдания» в отношении пассивного понятия, а также отразить его значение «субъективного распоряжения». [21, С. 387-388] Например: *他受到惩罚; 他遭到报应; 他得到批评; 他为人情所困; 他让童话看傻了; 他叫人骂了; 他看童话给看傻了.*

Следует отметить, что в дополнение к значению «повреждения» в китайском языке в последние годы наблюдается тенденция к расширению похвального и нейтрального значения, что можно объяснить по следующему поводу: здесь есть ключевой момент, то есть «воздействуемое» и «подвергающееся изменению под воздействия», иными словами, пока в предложении существует семантическая особенность «воздействия» и «изменения», будь то оно выражает похвальное, уничижительное или нейтральное значение, данное пассивное предложение считается приемлемым и правильным в принципе. Отсюда видно, что семантические особенности пассивных предложений в русском и китайском языках в определенной степени могут быть нейтрализованы. Это, несомненно, обогащает и углубляет наше понимание семантических общих характеристик русских и китайских пассивных предложений.

Различие в семантических характеристиках тропа (здесь в основном имеется в виду метафора) в русских и китайских пассивных предложениях относится к различию в семантическом происхождении обоих основных предикатов, а именно глаголов. В частности, метафорические семантические изменения русских (переходных) глаголов не будут продолжаться в их грамматической пассивной форме, и в то же время метафорическое значение китайских глаголов останется в их соответствующей (производной) пассивной форме и пассивном семантическом отношении и сформирует соответствующее пассивное предложение.

В силу различий в семантическом происхождении и сущности пассивных предложений в русском и китайском языках, для русских пассивных предложений не существует прямая и существенная связь между их образованием и употреблением, и кроме того, с точки зрения морфологической структуры имеется недискретная континуальная связь между постфиксом пассивного глагола «-ся» или кратной формой страдательного залога и основой русского (переходного) глагола, что повлияет на сопутствующий перенос, а именно глагол не обладает релевантностью и транзитивностью лексически-метафорического значения и «привязанности (supereminence)» [22, С. 15] — «сопутствуемости» пассивного глагола или пассивной формы к метафорическому значению исходного переходного глагола, следовательно, пассивная форма не может унаследовать и продолжить семантические изменения от формы переходного глагола, и соответственно, она не может сформировать пассивное высказывание на основе метафоры данного переходного глагола.

Например: *Любопытство грызет меня – *Я грызусь любопытством; Ел его целый день – *Он елся целый день; Год швейной работы окончательно подрезал её – *Она была окончательно подрезана от года швейной работы; Счастье покинуло его – *Он был покинут счастьем; Ребята следуют моде – *Мода следуема ребятами.*

Напротив, слово «被» китайского пассивного предложения представляет собой дискретную связь с глаголом, что создает удобные условия для присоединения глагольного переносного значения к соответствующему пассивному

глаголу, и пассивная конструкция, таким образом, образует более естественную семантическую связь с лексической метафорой глагола, соответственно конструирование пассивного предложения становится логичной вещью.

Ср.: 公款都被这群贪官给吃掉了; 一穷二白的帽子被摘掉了; 国家财富都被 (不加限制的人口生育) “生”掉了; 人民币汇率被松绑; 插班生的信心就这样被“赶跑”了。

Более того, распространение метафорического значения глаголов на пассивные предложения в китайском языке нетрудно обнаружить в разговорной речи.

Ср.: 他被人给修理了一顿; 纳达尔被打个回头 (球); 六个破发点被一一化解; 这位明星被包装得很俗气; 中国队的射门被 (对方守门员) 一一没收。

Основные результаты

Объектом исследования в данной статье выступают русские и китайские пассивные предложения, которые не только имеют свои собственные структурные признаки, но и обладают своими отличительными семантическими особенностями. В статье решаются три основные задачи: 1) проанализировать семантические особенности «события состояния» русских и китайских пассивных предложений; 2) сопоставить семантические особенности «страдания» русских и китайских пассивных предложений; 3) сравнить семантику русских и китайских пассивных предложений и её реализацию глагольного тропа. И на основании сопоставительного анализа выявлены **общие черты и различия** по семантике между русскими и китайскими пассивными предложениями, и данные общие черты и различия составляют основные результаты исследования данной работы.

Заключение

Таким образом, пассивные предложения чрезвычайно активны в русском и китайском языках, и их семантические особенности имеют свое уникальное динамическое представление в русском и китайском языках. В данной статье проводится сопоставительный анализ семантической проблемы пассивных предложений в русском и китайском языках главным образом с трех сторон: семантические особенности «события состояния», «страдания» и «тропа».

Анализ показывает, что семантические особенности пассивных предложений в русском и китайском языках имеют определенные общие черты и существуют большие различия. Самое главное состоит в том, что русские пассивные предложения в основном отражают отношение между объектом и действием, выражает логическую и смысловую связь между вещью и действием и не специально обращает внимания на то, является ли выраженное значение положительным, отрицательным или нейтральным, однако китайские пассивные предложения по сути содержат значение повреждения, неудовлетворительности и неприятности, поэтому значение «страдание» является для них основным и типичным семантическим признаком, в то же время в последние годы в китайском языке наметилась новая тенденция развития и изменения, то есть если они выражают или включают в себя значение «воздействуемого» и «подвергающегося изменению под воздействия», то могут быть приемлемыми, даже они передают похвальное и нейтральное значение, что в некоторой степени сужает семантическую разницу между русскими и китайскими пассивными предложениями. Кроме того, пассивные предложения в русском и китайском языках одинаково могут выражать семантическую особенность «события состояния», но у них разные реакции в функциональном исполнении связанной с этим семантической роли «агенса». Более того, после метафорического семантического изменения китайских переходных глаголов метафорическое значение может быть сохранено в соответствующей форме пассивного глагола, и соответственно пассивное предложение может быть естественным образом построено, и по сравнению с этим, после метафоры русского переходного глагола часто невозможно ввести или придать метафорическое значение соответствующей форме пассивного глагола, что не позволяет образовать соответствующее пассивное предложение, это также отражает особые различия в семантике русских и китайских пассивных предложений с точки зрения лексического тропа (метафоры).

Проведенное в данной статье исследование имеет пользу для прояснения сущности и характеристик очень распространенных в языке пассивных предложений и для понимания семантических сходств и различий пассивных предложений в русском и китайском языках, а также имеет справочную значимость и ценность для преподавания русского языка и практики перевода. Следует также отметить, что существует тесная взаимосвязь между семантическим анализом пассивных предложений и семантикой самих глаголов, поэтому необходимо подробно описать синтаксически-семантические характеристики пассивных предложений в аспекте семантической субкатегоризации глагола, и такое описание и исследование имеет значительную теоретическую ценность и необходимость. Связанные с этим вопросы нуждаются в дальнейшем углубленном обсуждении.

Финансирование

Данная статья выполнена в рамках национального проекта фонда социальных наук КНР «Культурно-когнитивные исследования концептуальной метафоры русских глаголов» (No. 19BY209) и Основного проекта ключевых исследовательских баз гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР «Анализ и интерпретация ядерных культурных концептов Российской нации» (No. 13JJD740011); Данное исследование поддержано «Фондом фундаментальных исследований центральных университетов КНР».

Funding

The article is created in the framework of the national project fund of social sciences of the Chinese "Cultural-Cognitive Study of the Conceptual Metaphors of Russian Verbs" (No. 19BY209) and the Main Project of Key Research Bases of Humanities and Social Sciences of Ministry of Education of China "Analysis and Interpretation of the Central Cultural Concepts of the Russian Nation" (No. 13JJD740011); This study was supported by "the Fundamental Research Fund for the Central Universities of China".

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar, Vol. I: Theoretical Prerequisites / Langacker R. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 516 p.
2. 沈家煊. 句法的象似性问题. 外语教学与研究. —1993. — №.1. С. 2-8.
3. 彭玉海. 论俄汉被动句的认知共性. 外语学刊. —2006. — №.6. С. 72-75.
4. Croft W. Voice: Beyond Control Affectedness / Croft W. // Voice: Form and Function. — Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 89-117.
5. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке / Буланин Л. Л. — Ленинград, ЛГУ, 1986. — 86 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Виноградов В. В. — Москва-Ленинград, Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. — 784 с.
7. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Янко-Триницкая Н. А. — Москва, Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 247 с.
8. Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: Лексикографический аспект / Апресян Ю. Д. // Русский язык в научном освещении. —2002. — №.3. С. 10-29.
9. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Падучева Е. В. — Москва, Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.
10. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Залоговость / Бондарко А. В. — СПб., Наука, 1991. — 370 с.
11. 张敏. 语法化的类型学及认知语言学考量. 温州: 中国第九届近代汉语学研讨会, 2000.
12. 赵敏善. 俄汉语中的被动句. 外语学刊. —1990. — №.4. С. 11-17.
13. 王志坚. 俄语性质被动句语义认知研究. 中国俄语教学. —2013. — №.3. С. 14-17.
14. 李临定. “被”字句. 中国语文. —1980. — №.6. С. 401-412.
15. 邵敬敏、赵春利. “致使把字句”和“省隐被字句”及其语用解释. 汉语学习. —2005. — №.4. С. 11-18.
16. 程琪龙. 被字句的语义结构. 汕头大学学报 (人文科学版). —1993. — №.2. С. 38-46.
17. 程琪龙. 致使概念语义结构的认知研究. 现代外语. —2001. — №.2. С. 122-133.
18. 彭玉海. 语义研究中的角色题元. 俄语语言文学研究. —2004. — №.4. С. 32-47.
19. 彭玉海. 语义研究动态分析方法探索. 北京: 中国社会科学出版社, 2009. — 302 p.
20. 盛义朝. 俄、汉语被动句语义实质及其语用后果. 外语与外语教学. —2014. — №.2. С. 38-42.
21. 沈家煊. 如何处置“处置式”. 中国语文. —2002. — №.5. С. 387-399+478.
22. 徐盛桓. 隐喻建模: 同一性视域下非字面义表达研究——以谐音词替代表达为例. 外语教学. —2017. — №.1. С. 11-18.

Список литературы на английском / References in English

1. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar, Vol. I: Theoretical Prerequisites / Langacker R. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 516 p.
2. Shen Jiaxuan. The Problem of Syntactic Similarity / Shen Jiaxuan // Foreign Language Education and Research. 1993. №.1. pp. 2-8. [in Chinese]
3. Peng Yuhai. On the Cognitive Commonality of Russian and Chinese Passive Sentences / Peng Yuhai // Foreign Language Research. 2006. №.6. pp. 72-75. [in Chinese]
4. Croft W. Voice: Beyond Control Affectedness / Croft W. // Voice: Form and Function. — Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 89-117.
5. Bulanin L. L. Kategoriya zaloga v sovremennom russkom yazyke [The Category of Voice in the Modern Russian Language] / Bulanin L. L. — Leningrad: Leningrad State University, 1986. — 86 p. [in Russian]
6. Vinogradov V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical Teaching about the Word] / Vinogradov V. V. — Moscow-Leningrad: State Educational-Pedagogical Publishing House, 1947. — 784 p. [in Russian]
7. Yanko-Trinititskaya N. A. Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke [Reflexive Verbs in the Modern Russian Language] / Yanko-Trinititskaya N. A. — Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. — 247 p. [in Russian]
8. Apresian Yu. D. Vzaimodejstvie leksiki i grammatiki: Leksikograficheskij aspekt [Interaction of Vocabulary and Grammar: Lexicographic Aspect] / Apresian Yu. D. // Russian Language in Scientific Interpretation. 2002. No. 3. pp. 10-29. [in Russian]
9. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary] / Paducheva E. V. — Moscow: languages of Slavic Culture, 2004. — 608 p. [in Russian]
10. Bondarko A.V. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Zalogovost' [Theory of Functional Grammar. Voice] / Bondarko A.V. — Saint Petersburg: Science, 1991. — 370 p. [in Russian]
11. Zhang Min. Grammatical Typology and Cognitive Linguistics Considerations / Zhang Min // Wenzhou: The 9th Symposium on Modern Chinese Studies in China, 2000. [in Chinese]
12. Zhao Minshan. Passive Sentence in Russian and Chinese / Zhao Minshan // Foreign Language Research. 1990. №.4. pp. 11-17. [in Chinese]

13. Wang Zhijian. The Cognitive Study of Semantics of Russian Passive Sentence / Wang Zhijian // Russian Language in China. 2013. №.3. pp. 14-17. [in Chinese]
14. Li Linding. The Passive Sentence with Word "Bei " / Li Linding // Studies of the Chinese Language. 1980. №.6. pp. 401-412. [in Chinese]
15. Shao Jingmin. Causation Sentence with "Ba" and Passive Sentence without "Bei" and Their Pragmatic Interpretation / Shao Jingmin, Zhao Chunli // Chinese Language Learning. 2005. №.4. pp. 11-18. [in Chinese]
16. Cheng Qilong. The Semantic Structure of the Passive Sentence / Cheng Qilong // Journal of Shantou University (Human Sciences Edition). 1993. №.2. p. 38-46. [in Chinese]
17. Cheng Qilong. The Cognitive Study of the Semantic Structure of Concepts / Cheng Qilong // Modern Foreign Languages. 2001. №.2. pp. 122-133. [in Chinese]
18. Peng Yuhai. Semantic Role in Semantic Research / Peng Yuhai // Research of Russian Language and Literature. 2004. №.4. pp. 32-47. [in Chinese]
19. Peng Yuhai. The Dynamic Analysis Method of Semantic Research / Peng Yuha. Beijing: China Social Science Press, 2009. – 302 p. [in Chinese]
20. Sheng Yichao. The Semantic Essence of Passive Sentences in Russian And Chinese And Their Pragmatic Consequences / Sheng Yichao // Foreign Languages and Foreign Language Education. 2014. №.2. pp. 38-42. [in Chinese]
21. Shen Jiaxuan. How to Dispose of "Disposition" / Shen Jiaxuan // Studies of the Chinese Language. 2002. №.5. pp. 387-399+478. [in Chinese]
22. Xu Shenghuan. Notes on Non-literal Expression from the Perspective of Identity: A Case Study of Use of Homophonic Expression / Xu Shenghuan // Foreign Language Education. 2017. №.1. pp. 11-18. [in Chinese]